

ХРОНИКА

Сергей Леонидович Пештич

(Некролог)

24 ноября 1972 г. скоропостижно скончался профессор Ленинградского университета доктор исторических наук Сергей Леонидович Пештич.

Сергей Леонидович родился 21 августа 1914 г. в г. Оренбурге в семье одного из крупных русских инженеров-нефтяников начала XX в. В юности сын предполагал продолжить профессию отца; он окончил Грозненский нефтяной техникум и в 1933—1935 гг. работал техником на строительстве нефтепровода. Однако уже в эти годы проявляется склонность С. Л. Пештича к гуманитарным наукам — он заканчивает вечерний комвуз и преподает в Гурьевском нефтяном техникуме политэкономии и историю партии. В 1936 г. поступает на исторический факультет Ленинградского университета.

В университете довольно рано обнаруживается направление научных интересов С. Л. Пештича: его привлекают русская историография и источниковедение, в частности круг известий по истории древней Руси, сохранившихся в труде В. Н. Татищева. И здесь Сергею Леонидовичу посчастливилось: руководителем его первой научной работы стал крупнейший источниковед — Михаил Дмитриевич Приселков. Автор этих строк хорошо помнит блестящий научный дебют Сергея Леонидовича — его доклад на студенческом научном кружке, в котором молодой ученый уже сформулировал основные принципы своих дальнейших исследований: определение летописных источников Татищева, сравнение «Истории Российской» с этими летописями, определение общего характера и направления «татищевских известий». В 1940 г. работа С. Л. Пештича была отмечена первой премией на конкурсе студенческих научных работ. Вот что писал об этой работе наш общий учитель М. Д. Приселков: «Как известно, Татищев сообщает в своем труде ряд известий, которые не находят себе подтверждения в наличных источниках и о которых можно было думать надвое: или что известия эти Татищев извлек из источников, до нас не дошедших, или же известия эти присочинены Татищевым. Большинство историков предпочитало не пользоваться этими „татищевскими известиями“, но часть историков их привлекала и на них опиралась. Впрочем, были и такие историки, которые, когда „татищевские известия“ были им на руку, признавали эти известия за достоверные, а когда такие „татищевские известия“ мешали их ученым построениям, объявляли их придуманными Татищевым. Поскольку такая разногласия тянулась более века, постольку можно прежде всего признать, что т. Пештич взялся за решение весьма важного и наболевшего вопроса... Заслугою т. Пештича является то обстоятельство, что он предпринял разыскания новых рукописей татищевской „Истории“ в рукописных собраниях Москвы и Ленин-

града, весьма счастливо нашел такие рукописи... Через кропотливое и весьма сложное изучение текстов всех рукописей т. Пештичу удалось определить почти все летописные тексты, которыми пользовался Татищев, и безупречно доказать, как на разных этапах своей обработки летописных текстов Татищев изменял характер и содержание своих вставок и шрипсов, хотя количество источников у него оставалось за указанное время одно и то же... Все изложенное дает право надеяться, что в лице т. Пештича советская историческая наука приобретает хорошего научного работника, умеющего самостоятельно работать над большими и сложными темами».¹

Окончив в 1940 г. университет, С. Л. Пештич был оставлен в аспирантуре и начал работу над кандидатской диссертацией. В начале 1941 г. умер его научный руководитель М. Д. Приселков, а летом началась война. Всю войну С. Л. Пештич провел в действующем Балтийском флоте. Однако даже война и блокада Ленинграда не помешали ему завершить работу над любимой темой. В сентябре 1944 г. офицер военно-морского флота С. Л. Пештич защитил кандидатскую диссертацию «„История Российской“ В. Н. Татищева как исторический источник».

В 1946 г. С. Л. Пештич вернулся в Ленинградский университет; с февраля 1949 г. он — доцент университета. Он читал курс историографии истории СССР, общий курс истории СССР периода феодализма, спецкурсы «Русская историография XVIII в.», «История в общественно-политической жизни России второй половины XVIII в.», «Историография русского летописания», вел семинарские занятия. Работа эта продолжалась без перерыва более 25 лет.

В конце 50-х и в 60-х годах С. Л. Пештич вновь обратился к историческому повествованию XVII—XVIII вв., опубликовал, в частности, в наших «Трудах» статьи, посвященные «Синописису» и петровским летописцам (ТОДРЛ, тт. XV и XVI). В 1961—1971 гг. вышло в свет капитальное исследование С. Л. Пештича «Русская историография XVIII в.» (ч. I — 1961 г., ч. II — 1965 г., ч. III — 1971 г.); в ноябре 1963 г. он защитил это исследование как докторскую диссертацию; с октября 1966 г. стал профессором. Внезапная смерть прервала работу С. Л. Пештича над целым рядом тем; неопубликованными остались его работы о Н. М. Карамзине, полемическая статья о Татищеве и другие труды.

Основным предметом научных исследований С. Л. Пештича была история развития исторических знаний в XVII и особенно в XVIII в. Однако труды его резко отличались от историографических работ обзорного характера, нередко появляющихся в научных изданиях.

Для С. Л. Пештича историография была прежде всего важнейшей областью истории общественной мысли, самосознания России; с другой стороны, источниковедческое исследование трудов того или иного историка помогало раскрыть научную лабораторию историка — его отношение к источнику. Именно так подходил С. Л. Пештич к творчеству В. Н. Татищева — ученого, интерес к которому возник у него еще на студенческой скамье и которому он посвятил свою кандидатскую и частично докторскую диссертацию (ч. I, гл. IX; ч. II, гл. III). Установив основные взаимоотношения между редакциями татищевской «Истории», найдя в рукописных хранилищах и определив по крайней мере восемь из 11 упомя-

¹ М. Д. Приселков. Первая премия. — Ленинградский университет, 1940, 1 мая. С. Л. Пештич всю жизнь хранил эту газетную статью, цитировал из нее слова М. Д. Приселкова, относящиеся к историкам, «потребительски» использовавшим Татищева, но по скромности никогда не упоминал о том, что они были высказаны в статье, посвященной его работе.

нутых Татищевым летописей, С. Л. Пештич открыл возможность серьезного источниковедческого исследования «татищевских известий». Он справедливо указал на то, что отнесение некоторых из этих известий к построениям самого Татищева не уменьшает, а увеличивает «заслуги Татищева как историка»: «Противоречивость формы и содержания его труда, написанного в виде летописного свода, но являющегося уже не летописью, а историческим произведением, только составленным в виде летописи, свидетельствует о самостоятельном истолковании источников Татищевым в духе его общественно-политических взглядов и в соответствии с общим уровнем развития исторической мысли в России».²

К сожалению, эта плодотворная мысль не была понята и учтена оппонентами С. Л. Пештича. Исследователь, больше всех сделавший для изучения татищевского труда и его источников, услышал упреки в «неоскептицизме», даже в желании «поставить под сомнение самостоятельное значение древнерусской культуры». Высказывая такие упреки, критики С. Л. Пештича не захотели понять и хотя бы просто процитировать приведенные нами выше замечания исследователя о «татищевских известиях» как отражении «самостоятельного истолкования источников Татищевым».

Сергей Леонидович Пештич не сможет уже завершить свои труды по истории русской исторической науки. Но мы имеем основания надеяться, что стремление ученого изучить источниковедческую базу ранней русской историографии, включить эту историографию в историю общественной мысли своего времени не будет забыто в науке и найдет последователей. Продолжить труды Сергея Леонидовича предстоит новому, молодому поколению исследователей.

Я. С. Лурье

² С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I. Л., 1961, стр. 261.